

ДАРЬЯ ИОРДАНСКАЯ

ЧЁРТ НА БЯКЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И75

Художественной оформление *Марии Хромцовой*
Внутренние иллюстрации *Полины Чичулиной*

Иорданская, Дарья Алексеевна.
И75 Чёрт на ёлке и другие истории / Дарья
Иорданская. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-229228-6

Ночь перед Рождеством, ведьма и черт. Где-то мы
это уже слышали.

Или нет?

Канун Рождества. Санкт-Петербург утопает в снегу
и предпраздничной суете. А вот у титулярного совет-
ника Акакия Агаповича, скромного черта из Синода,
нет времени любоваться иллюминацией. Его ждет
срочное, и прямо-таки чертовски неприятное дело:
старейшая ведьма столицы Меланья Штук умерла,
не сдав казне своих восьмерых служилых бесов. А ее
неприкаянная душа сбежала, грозя обернуться рожде-
ственным кошмаром для всего города.

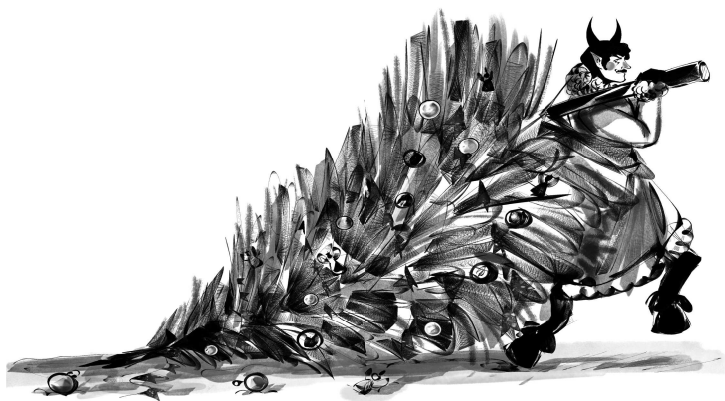
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229228-6

© Иорданская Д.А., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ЧЁРТ НА ЕЛКЕ

(почти детективная история)

1

Снег начался часа в два пополудни, да так и шел весь день не переставая. К вечеру, когда зажглась яркая иллюминация на Невском, весь город походил уже на праздничную открытку. Затеяливый памятник Государю, на который Акакий имел удовольствие целыми днями любоваться из окна своего кабинета, облачился в пышную белую мантию, а конь его обрел столь же пушистую попону. Как раз к зиме. Глядя на это, Акакий даже переставал мерзнуть.

Кабинет у него был крохотный, отапливаемый старой печуркой-голландкой, которая сложена была с какой-то досадной ошибкой и тепла почти не давала. Да в окне, как назло, были щели. Поговаривали, причиной этакого безобразия был давний, уж лет двадцати тому, визит большого синодского начальника, Лихо. Был Лихо в тот день не в духе, а тогда вокруг него все непременно ломалось, а после чинилось без особого успеха. Правда

это была или только легенда — вроде призраков в Инженерном, — Акакий не знал, да и не было бы ему легче от этого знания. Акакий мерз, кутался в пушистый оренбургский платок, присланный дальней тетушкой по материнской линии, и разбирал бумаги, накопившиеся к концу года. То и дело он высовывал нос из платка и бросал тревожный взгляд на вечный календарь на верхушке каталожного шкапа. Уже двадцать третье число. Завтра последний день, следует сдать всю отчетность, все проверить и перепроверить, утихомирить самых-самых буянов, тех, что совсем без понятия, а там можно и отдохнуть. Целую дюжину дней.

Акакий, хоть и был чертом, почитал Рождественские праздники лучшим временем года. Почти две недели были повсюду благолепие и порядок, Соседи сидели по домам, занятые своими делами — у нечисти да нежити свои праздники, — а самому Акакию выпадала даже возможность навестить родню на Псковщине.

Обычно. Но вот в этом году дела не ладились, и словно сговорились все.

— Это все свадьба, — мрачно проговорил Акакий, бросая очередной тревожный взгляд на календарь, а затем на часы. Было уже почти восемь вечера, и в этот час кабинеты в кордегардии Инженерного начинал обходить комендант, прогоняя заработавшихся залихватским «У-ух! Черти проклятые!».

— Все трудишься? — Дверь приоткрылась со скрипом, и в образовавшуюся щель просунул свое лицо Анцибол¹. Вид он имел самый праздничный и даже усы успел завить и на помадить.

«Что за фронт!» — мрачно подумал Акакий и потянулся за дыроколом.

— Вот что, братец мой Акакий, — Анцибол проскользнул ужом в комнату и приобнял Акакия за плечи, — сворачивай-ка ты всю эту свою лавочку, надевай пальто и пошли уже. Я в ресторации столик нам заказал. Поужинаем, выпьем, пообщаемся с мамзелями. Мамзелей я тоже заказал.

Акакий поморщился. Был он не ханжа, это уж совсем не в чертячьей природе, но твердо уяснил за двадцать лет знакомства, что от Анциболовых мамзелей одно беспокойство. В прошлый раз их опоили чем-то и обобрали, а еще до того у самой бойкой мамзели супруг оказался цирковым силачом. Гирию пудовую выжимал одной левой. Скрутить в бараний рог черта такому вообще труда не составило. Конечно, больше в тот раз досталось Анциболу, но и Акакия зацепило, так сказать, за компанию.

— Сам иди. — Акакий развел руками, а после указал на грудку не разобранных еще бумаг. — У меня — сам видишь.

Анцибол взял одну из папок и пролистал ее содержимое со скучающим видом. Вернул на стол.

— Эдак ты еще год провозишься, братец.

— Не провожусь, — замотал головой Акакий, хотя на душе стало при этом как-то муторно. Никто не знал толком, что будет, если все дела до Рождества не завершить и начальству не сдать. Рассказывали всевозможные жуткие истории, поговаривали, что у обер-черта Вржко² на этот счет припасено нечто совсем уж особенное. То ли Василиск у него в подвале, а то ли еще что похуже. В самых мрач-

ных историях те, кому не посчастливилось рассердить начальство, пропадали бесследно.

— Эхе-хе, — вздохнул с фальшивым участием Анцибол. — Знаю я, в чем тут дело. Жениться ты еще не женился, а под каблук тебя уже загнали.

— Ох ты ж холера! — выругался побледневший Акакий.

Про невесту свою, Агриппину, он и думать забыл. Сговорены они были матерями, виделись редко и в целом были друг к другу равнодушны. Агриппину, насколько знал Акакий, весьма и весьма радовала возможность перебраться из Пскова в Санкт-Петербург, но и только. Муж ее не интересовал ничуть, верно было и обратное. То и дело раздосадованный этой всей ситуацией Акакий собирался помолвку разорвать, пусть даже это и грозило ссорой с родительницей, а также с грозной родней Агриппины. Угроза та была на самом деле невелика — не стали бы честные русские ведьмы чинить козни члену Синода, пусть и занимающему в том Синоде столь малую должность, с окладом крошечным и тесным кабинетом. Но всякий раз, когда Акакий собирался с мыслями и готов был решить этот вопрос раз и навсегда, что-нибудь происходило и занимало его целиком и полностью. И о грозящей женитьбе Акакий попросту забывал.

То же самое произошло и сейчас. Акакий потянулся за очередной бумагой, которую требовалось перечитать, подписать, убедившись, что все в порядке, а после подшить в годовую папку. Потянулся, взял, перечитал и выругался:

— Ох ты ж трижды по пять холера!

Анцибол заглянул ему через плечо, пробежал документ глазами и хмыкнул:

— Ну да, брат, не судьба. Бывай тогда. Если что, мы в Кюбе³ будем.

И, похлопав на прощание товарища по спине, Анцибол упорхнул, точно Психея какая-нибудь, а не приличный разумный черт. Акакий, впрочем, сразу же о нем позабыл. Куда больше занимала его мысли бумага, разложенная на столе. Проклятой Меланье Штук вздумалось преставиться аккурат под Рождество.

2

Зловредная старуха проживала в маленьком доме-развалюшке за Охтой. Вокруг давно уже шумел современный город, а покосившаяся ее избушка тонула в болоте. Забор, набранный из тронутых грибом и плесенью штакетин, завалился набок, а крыша дома над ним съехала набекрень и почти вросла в землю. Сверху все это накрыло здоровенным грязно-серым сугробом. Словом, Меланья Штук была ведьмою хорошей старой школы: с дурным характером. Из щербатой трубы над крышей поднимался черный дым, извиваясь штопором и мешаясь по цвету со снеговыми тучами. От сорванной с петель калитки к перекошенной, как и все тут, двери вело несколько цепочек следов. Гости.

Акакий постоял немного, грея дыханием ладони, оглядываясь. За спиной у него шумели рабочие улочки Санкт-Петербурга, а впереди гудела тишина. Хоть и был он чертом, но возле ведьминой избушки

было ему как-то не по себе. Должно быть, из-за слухов, что ходили о Меланье Штук.

Ведьмою стала она давно, лет восемьдесят назад, и даже предшественник Акакия особых дел с ней не имел. Передавая пухлые папки, он только ногтем по одной постучал и крикнул в усы: «Старая ворожея. С понятием. Надо ж!» Акакий, тогда совсем молодой, любопытный до жути, сунул в папку длинный свой нос и невольно восхитился. Было у Меланьи Штук восемь чертей. Восемь! Невероятно! И, если так разобраться, жутко. Что могла сотворить ведьма с таким богатством? Отсюда и все слухи, должно быть. Поговаривали тишком, полупшепотом, что Меланья Синод не уважает, законы не соблюдает и ворожит по старинке: портит жизнь честному люду. Поговаривали также, что помимо честно взятых у наставника своего служилых чертей заманила старая ведьма в свои сети еще с полдюжины чертей вольных. Будто бы пропадали они по всему городу. Акакий даже в юные свои годы не верил в это, но ведьму старался избегать. Не о чем им было говорить до поры, пока она не решит сдать своих чертей.

И надо же было такому произойти, чтобы проклятая старуха вздумала помереть именно сегодня!

В последний раз вдохнув полной грудью уже начавший пахнуть морозцем — а здесь еще гнилью — воздух, Акакий напомнил себе старую мудрость, что перед смертью не надышишься, и шагнул на двор.

Принято на Руси говорить, что черт боится ладана. Тут бы Акакий мог поспорить. Ладан ему даже нравился, как и иные многие благовония,

а вот ведьм он не любил, хотя мать его была из потомственных ведуний. Выйдет такая ведьма на крыльцо да и крикнет, как в прежние годы: «Акакий-бесенок, ступай на работу!» — и ноженьки ведь сами побегут. Аж передергивало от мыслей таких.

Акакий напомнил себе, что находится он на службе, а Синод не уважать для всякого Соседа — себе дороже, и решительно направился к дому. Снег поскрипывал под ногами. По всему видно было, что к завтрашнему дню совсем уже подморозит, а утихнувший ненадолго снег в самом скором времени превратится в настоящую метель. И ветер непременно поднимется и примется, по меткому замечанию классика, дуть «со всех четырех сторон». И очень бы хотелось к этому моменту покончить уже со всеми делами и оказаться дома. Чтобы Машка-кикимора самовар затопила, а Дидушко⁴ достал из своих запасов земляничное и малиновое варенье, которое присылали ему родственники из деревни.

Замечтавшись, Акакий едва не стукнулся лбом о дверь. Выпростав кое-как руку из широкого мехом отороченного рукава, он постучал. Дверь со скрипом отворилась совсем немного, и наружу высунулось узкое лицо с крючковатым носом и глубоко посаженными черными глазами.

— Чегось тебе, милоч?

— Антип⁵ Акакий Агапович, — вежливо представился Акакий, разглядывая кривоносое злое лицо. — Пришел принять чертей либо же зафиксировать их передачу по списку.

— Агась, — кивнуло лицо и пропало в темноте. Из проема, ни на сантиметр не ставшего шире, вырвалось облачко пара, пахнувшего травами.

Акакий навалился плечом. Дверь не поддавалась, кто-то, видать, точно так же подпирал ее изнутри.

— Откройте именем Синода!

За дверью заворкотало, зашебуршало дурно так, неприятно, вызывая тревогу, дрожь, мурашки по всему телу. Хотя и был Акакий не робкого десятка, да к тому же черт, весь этот дом вызывал у него страх.

— Откройте! — повторил он.

Воркотание и шорохи повторились. Что-то там, внутри дома, происходило, и тревога с каждой минутой только усиливалась. Акакий, продолжая наваливаться на дверь, вытащил из кармана часы и откинул крышку. Время было уже позднее, девять почти. Не совсем еще темное время, не глухая полночь, но так и смерть ведьмачья — дело небыстрое, особенно если упирается колдунья и не желает расставаться со своей силой.

Кто был тот кривоносый? Один из старухиных чертей? Колдун? И что за следы ведут к дому? Кто пришел сюда сегодня по свежему снегу?

Кольнуло неприятное предчувствие. Про Меланью Штук много ходило ерундовых слухов, но в одно Акакий верил охотно: такие, как она, злые ведьмы старой закалки, запросто не сдаются. Кабы не задумала старуха чего дурное...

— Откройте именем Синода! — снова крикнул Акакий, но, как назло, голос его в конце дал петуха. Снова подумалось, как бы сейчас хорошо оказаться дома, подле самовара. А еще бы хорошо лимонов поесть с медом и имбирем, очень для горла полезно. — Меланья Штук! Открывайте немедленно!

Акакий надавил еще сильнее, уже подумывая, а не разбежаться ли ему, чтобы высадить дверь плечом, и вдруг... она поддалась. Молодой черт едва удержался на ногах, но в избу все-таки влетел и сделал несколько неловких шагов по заиндевевшему скользкому полу. В сенях было темно и тихо. Слишком тихо для дома, где умирает строптивая ведьма.

Акакию за десять лет службы всего два или три раза попадались колдуны, не чтящие законы. В большинстве своем Соседи восприняли их как благо: были те законы справедливыми и очень хорошо защищали и людей, и Соседей. Но все не могут быть довольными, и попадались время от времени те, кто законов новых не чтит, предпочитая жить по старым понятиям. С такими у Синода был разговор короткий. Да и Природа (или какое божество, тут уж каждому по вере его) все рассудила по-честному: те, кто справедливых правил не чтит, страдал от собственной глупости. И ведьма, преступающая закон, вершащая дурные дела, а после не пожелавшая сдавать подвластных ей чертей (служащих-то, между прочим, по честному договору), умирала всегда долго и мучительно. И оттого слишком тихо было в доме.

Акакий сунул руку в карман, достал небольшую табакерку — отцовский подарок, — а оттуда вытащил уголек. Подул на него, и в свете разгоревшемся осмотрел пустые сени. Вода в бочке, поставленной в уголке, успела покрыться тонким ледком. И стены были седые от инея. Ступая осторожно по заледенелому скользкому полу, Акакий дошел до дальней двери, толкнул ее и вошел в светлицу.